

Красный сигнал светофора заставил машину плавно остановиться.

Яркий свет уличных фонарей падал на их лица, освещая профили.

— Ты, — медленно, отчётливо произнёс Лу Инцзю, — кто из божественных чиновников?

— Я не... — начал было Цзин Сянь.

— Не нужно больше оправданий, — прямо сказал Лу Инцзю. — С твоей силой ты, как минимум, не последний из чиновников. Ты выглядишь как живой человек и можешь долго находиться в мире живых. На ум приходит лишь одна возможность: ты явился сюда во плоти.

Цзин Сянь не ответил, лишь неотрывно смотрел на него.

— Ты должен знать, что божественные чиновники и обычные призраки — совершенно разные вещи, — Лу Инцзю встретил его взгляд. — Цена, которую чиновник платит за явление в мир людей во плоти, с одной стороны, — это ограничение силы, от которой может не остаться и десятой части. С другой — это ставка на собственную бесконечную жизнь. Если ты умрёшь здесь, то умрёшь по-настоящему, твоя душа развеется. Можно сказать, что только безумец пойдёт на такое.

— Честно говоря, — продолжил он, — я не могу придумать ни одной причины, по которой чиновник мог бы так поступить.

— Цзин Сянь, зачем ты пришёл в мир людей? У тебя есть какое-то неисполненное желание, и ты просишь меня о помощи?

Они долго смотрели друг на друга.

Свет уличного фонаря отражался в глазах Лу Инцзю, и когда тень от листьев накрывала его лицо, взгляд его, казалось, мерцал.

Цзин Сянь, склонив голову, смотрел на него. По его лицу было невозможно прочесть какие-либо эмоции.

Наконец, после долгой паузы, Цзин Сянь произнёс:

— Нет. У меня нет неисполненных желаний.

Лу Инцзю тихо выдохнул.

— Тогда, пожалуйста, возвращайся, — сказал он. — Мне очень приятно проводить с тобой время, но это не то место, где тебе следует быть. Ты — божественный чиновник, я — человек. Мы не должны были встретиться в этой жизни. И как я уже говорил, слова о том, что у людей и призраков разные пути, — не пустой звук.

Его тон не был резким, но звучал твёрдо.

Лу Инцзю вспомнил дни, проведённые с Цзин Сянем. Он, конечно, знал, что Цзин Сянь хорошо к нему относится. Что до слов Е Фэна о том, что Цзин Сяню нужны не его деньги, а он сам, — Лу Инцзю был не слишком чувствителен к таким вещам и верил в это лишь наполовину.

Но одно было несомненно: Цзин Сянь очень его любил.

Неважно, какой именно любовью.

В глубине души ему было очень жаль. Хотя они провели вместе всего несколько десятков дней, за столько лет он впервые встретил кого-то, кто шёл с ним одной дорогой.

Е Фэн был преданным другом и поддерживал его в самые трудные времена. Но у Е Фэна был другой стиль жизни, множество других друзей, своя собственная жизнь. Его присутствие отличалось от присутствия Цзин Сяня.

Хотя они с Цзин Сянем казались героями из разных историй, их ауры совпадали, им было приятно вместе, и нельзя было отрицать, что они идеально подходили друг другу. Наверное, с самого детства Лу Инцзю ждал именно такого друга.

Друга, с которым он почувствовал родство душ с первой встречи.

Именно это и мешало Лу Инцзю так долго заговорить с Цзин Сянем начистоту.

И вот сейчас, в удушающей тишине машины, Лу Инцзю подумал, что он, оказывается, тоже довольно эгоистичен.

Он всегда казался человеком строгих принципов. Но, по правде говоря, он должен был отправить Цзин Сяня назад в тот самый день, когда понял, что тот — божественный чиновник.

Однако он позволил себе жадно насладиться толикой его общества.

Цзин Сянь, поддавшись порыву, пришёл в мир людей, и он, Лу Инцзю, должен был всё это

остановить.

Пора было поставить точку. Он и так слишком долго тянул.

— Это прощание? — спросил Цзин Сянь.

— ...Да, — ответил Лу Инцзю. — Я заговорил об этом сегодня, потому что нынешней ночью призрачная аура особенно сильна. Это лучшее время для твоего возвращения в мир призраков. Если упустишь этот момент, возможно, придётся ждать ещё месяц или два.

— Это не требование. Это просьба друга. Цзин Сянь, возвращайся сегодня же.

Снова нависла удушающая тишина.

Светофор сменился на зелёный, но Цзин Сянь не нажал на газ. Машина неподвижно стояла на пустом перекрёстке.

Цзин Сянь, конечно, знал, что Лу Инцзю был прав. В этом мире существуют незримые законы, связывающие и людей, и призраков, и даже он не был исключением.

Но ему было всё равно.

Не то что ограничение силы — даже если бы он ослеп или стал калекой, ни один призрак не посмел бы сказать ему и полслова.

Он однажды проспал более десяти лет. Мир призраков погрузился в хаос, духи, оставшись без правителя, обнажили свои дерзкие амбиции. Но даже тогда, как бы ни буйствовали эти демоны и чудовища, ни один из них не осмелился ступить на землю, где он спал.

Они не смели даже приблизиться.

Но...

Он слышал в голосе Лу Инцзю скрытое чувство вины.

Для Лу Инцзю эта ночь и так была достаточно сумбурной. Вероятнее всего, больше всего ему сейчас нужно было остаться одному, успокоиться и привести в порядок свои мысли и чувства.

— Цзин Сянь, возвращайся сегодня, сейчас же, — настойчиво повторил Лу Инцзю.

Цзин Сянь: «...»

— Кажется, ты впервые о чём-то меня «просишь», — тихо сказал он. — И ты знаешь, что я не могу тебе отказать... Я понял тебя.

Он глубоко вздохнул, слегка нажал на газ, и «Пагани» скользнула в ночную мглу.

Они ехали в полном молчании, пока Цзин Сянь не припарковал машину у дома Лу Инцзю.

Они вышли и встали, окутанные ночным ветром.

— Тогда я действительно ухожу? — спросил Цзин Сянь.

— Угу, — кивнул Лу Инцзю и всё же улыбнулся. — Мы ведь не навсегда прощаемся. Если захочешь, можешь приходить в виде призрака.

Хотя они оба знали, что в призрачной форме он сможет оставаться в Мире живых лишь на несколько десятков минут за раз.

В этом прощании не было ничего особенного.

Цзин Сянь, стоя у машины, крепко обнял его.

Лу Инцзю почувствовал знакомый холодный аромат, словно запах цветка, распустившегося под луной в снегу.

А затем он ощутил, как тело Цзин Сяня медленно становится легче, а объятия ослабевают.

Внезапно стало светло. Пустота в руках. Свет фонаря, который до этого заслонял Цзин Сянь, теперь ярко бил в глаза.

Лу Инцзю постоял на месте три секунды.

Ветер становился всё сильнее. Он был легко одет, и по спине пробежал холодок.

Затем он едва заметно улыбнулся и пошёл к дому.

В холле было пусто, все давно спали. Он вошёл в лифт, и тот медленно пополз вверх. Двери с тихим «дзинь» открылись, и на лестничной площадке тут же зажёгся свет от датчика звука.

Лу Инцзю повернул направо, но коридор в его крыле тонул во тьме.

Он включил фонарик на телефоне и осветил вверх. Лампочка над головой была разбита, а на полу валялись осколки стекла.

Это здание было слишком старым, и управляющая компания не особо утруждала себя работой. Лу Инцзю отбросил осколки в сторону, чтобы никто не поранился, и подумал, что завтра нужно будет позвонить и попросить заменить лампочку.

Подойдя к своей двери, он открыл её. Навстречу выбежал его кот, Молоко, и, подняв хвост, принялся тереться о его ноги.

Лу Инцзю присел и почесал его под подбородком, но кот крутился у порога и жалобно мяукал, словно кого-то искал.

Лу Инцзю на мгновение замер, вспомнив, что всё это время кота кормил Цзин Сянь.

У этого кота не было ни капли совести. При виде еды его глаза загорались зелёным огнём, и он быстро наладил тесные отношения с тем, кто его кормил. Возможно, он ждал возвращения Цзин Сяня даже больше, чем самого Лу Инцзю.

Он схватил кота и принялся яростно трепать его по голове, усмехнувшись:

— Ах ты, маленький неблагодарный волчонок, так быстро забыл, кто твой хозяин? Он больше не вернётся.

Кот не понял его слов, лишь взмахнул кончиком хвоста и лениво зевнул.

Лу Инцзю подогрел себе стакан молока, сел за стол и глубоко вздохнул.

Цзин Сянь ушёл. Он почувствовал, как с плеч свалился груз, и острое чувство вины наконец-то исчезло. В эту ночь, полную хаотичных мыслей, такое облегчение было бесценно.

Надо признать, Цзин Сянь действительно очень хорошо его понимал.

Даже ушёл он именно так, как хотел Лу Инцзю: не настаивая, не создавая ему трудностей.

На душе всё равно было пусто, но он всегда умел контролировать свои эмоции. Подавив тоску, он снова взял кисть, чтобы рисовать талисманы. Это был всё тот же спокойный и сдержанный Лу Инцзю.

На следующий день, в полдень.

В чайном ресторане стоял гул голосов, смешанный со звоном чашек и столовых приборов.

Е Фэн сосредоточенно резал большой кусок стейка. Из говядины средней прожарки сочился сок, который он смешивал с соусом из чёрного перца, а затем ел вместе с луком и картофелем фри, что пробуждало аппетит. Напротив него Лу Инцзю, сохраняя свою обычную элегантность, неторопливо пил грибной суп.

Съев большую часть стейка, Е Фэн вдруг поднял голову:

— Что-то сегодня не видно твоего спонсора.

— Какого ещё спонсора, — ответил Лу Инцзю. — Я же говорил, Цзин Сянь — сотрудник моего агентства.

— Ладно, ладно, как скажешь, — согласился Е Фэн. — А куда он делся? Неужели наконец понял, что шесть тысяч в месяц не стоят того, чтобы так бегать туда-сюда? Похоже, он не такой уж и простак.

Лу Инцзю не знал, смеяться ему или плакать.

— Почему у тебя в голове вечно столько драмы? Он просто уехал домой, не захотел больше работать. Ты бы лучше ел быстрее, нам ведь в два часа нужно быть на месте, встречаться с клиентом.

Е Фэн тут же ускорился, отправив в рот несколько больших кусков и, подавившись, начал отчаянно запивать водой.

Адрес клиента был недалеко от ресторана, всего в десяти минутах езды.

Лу Инцзю вёл свой подержанный «Хонда».

Цзин Сянь оставил ему две или три роскошные машины, которые теперь сверкали в его гараже. Но Лу Инцзю привык ездить на места происшествий на старой развалюхе, к тому же, это были вещи Цзин Сяня, а не его.

Просто утром, когда он шёл за машиной, на мгновение замер, почти поверив, что Цзин Сянь всё ещё здесь.

Прибыв на место, он поднялся наверх вместе с Е Фэном.

Это был заказ Е Фэна, а он просто от скуки и невозможности сидеть без дела пошёл с ним, чтобы послушать.

Клиенткой оказалась старушка, которая, вцепившись в Е Фэна, долго и сбивчиво рассказывала, что каждую ночь кто-то стучит в её окно. Но она живёт на двенадцатом этаже, кто мог там быть?

Е Фэн подробно расспрашивал её о деталях.

Лу Инцзю сидел на диване и, рассеянно держа стакан с водой, слушал.

Он бессознательно коснулся замка долголетия на груди.

Это было несложное дело. Е Фэн быстро разобрался в ситуации: в этом доме когда-то повесился человек на крыше, и, видимо, его обиженная душа не упокоилась и теперь беспокоила жильцов.

И вот, в багровых лучах заката, Лу Инцзю и Е Фэн поднялись на крышу.

Тот человек повесился на бельевой верёвке.

Раньше на крыше сушились пёстрые одеяла и одежда, но после самоубийства люди сочли это место нечистым и перестали сюда подниматься. Теперь на крыше висели лишь несколько пустых бельевых верёвок, раскачивающихся на ветру.

Е Фэн расклеил талисманы по четырём углам крыши, а Лу Инцзю, стоя позади, давал указания:

— Этот левее. И ещё пару на юго-западном углу, и на западе тоже...

Когда все талисманы были на месте, Е Фэн сложил печать. Талисманы вспыхнули, и в воздухе раздался пронзительный вопль.

Все бельевые верёвки мгновенно натянулись, словно на них что-то повисло, например... тело.

Ветер усилился, превратившись в плач. Перед ними медленно проявился призрак повешенного с синюшным лицом и высунутым языком.

Призрак огляделся по сторонам и тут же уставился на Лу Инцзю, у которого в руках не было

ни одного талисмана.

Он взмахнул своим алым языком и с воплем бросился на него!

А затем с воплем умер, развеявшись облаком чёрного дыма.

Весь процесс занял не более полусекунды.

Лу Инцзю хлопнул в ладоши.

— Отлично, можно возвращаться и закрывать заказ.

Е Фэн пробормотал:

— Каждый раз, когда я с тобой выхожу на дело, всё кажется слишком быстрым.

Лу Инцзю лишь усмехнулся.

Решив проблему, старушка была безмерно благодарна. Она трясла руку Е Фэна и говорила, что никогда не видела такого эффективного экзорциста, и что она обязательно напишет благодарственное письмо и подарит ему почётную грамоту.

Е Фэн твердил, что не стоит, не стоит.

— К тому же, это не я такой сильный. — Он обернулся, чтобы указать на Лу Инцзю, но никого не увидел.

Лу Инцзю уже спустился вниз. Он прикинул, что старушка будет болтать ещё долго, и решил вернуться в машину, чтобы вздремнуть.

Е Фэна действительно задержали ещё на десять минут. Наконец, вырвавшись, он вернулся в машину.

— Эх, а ты быстро смылся.

К его удивлению, Лу Инцзю говорил по телефону.

Он вспомнил о лампочке и решил поторопить управляющую компанию.

На звонок ответила женщина с ленивым голосом. Лу Инцзю объяснил ей ситуацию и попросил заменить лампочку.

Но женщина безразлично ответила:

— Да-да, я поняла. Но у нас сейчас людей не хватает, мастер очень занят. Постараемся как можно скорее всё устроить.

— Когда самое раннее? — спросил Лу Инцзю.

— Откуда я знаю, ждите. Дня два-три, не меньше.

Лу Инцзю повесил трубку.

— Что, лампа перегорела? — спросил Е Фэн.

— Угу, — ответил Лу Инцзю. — Лампочка почему-то разбилась. Эта управляющая компания ничего не делает, похоже, опять придётся долго ждать.

— Неудобно, — пробормотал Е Фэн. — Не думал сменить район?

Лу Инцзю, конечно, не нуждался в деньгах.

На самом деле, если бы он захотел, то мог бы хоть сейчас купить квартиру в центре города за наличные и переехать.

Но Лу Инцзю покачал головой и улыбнулся:

— Привык. Ты же знаешь, я сентиментален.

Е Фэн больше ничего не сказал.

Он знал, почему Лу Инцзю оставался здесь.

В детстве семья Лу Инцзю жила небогато. Плата за услуги экзорцистов, деньги на подношения в храмах — всё это были огромные расходы, которые они едва могли себе позволить.

Со временем первым сломался отец Лу Инцзю.

Он принял самое трусливое решение: развёлся и умыл руки.

После этого все заботы легли на плечи матери Лу Инцзю, Чжуан Сюэ. Она повсюду искала помощи, работала на нескольких работах, ела самую дешёвую еду в коробках, лишь бы скопить немного денег и снова просить о помощи.

Талант Лу Инцзю был выдающимся. Когда он сам научился рисовать талисманы, это значительно облегчило их жизнь. А призрачная свадьба заметно улучшила их положение. Чжуан Сюэ была вне себя от радости. Давление на работе уменьшилось, и она больше не жила в постоянной тревоге. У неё даже появились свободные деньги, и она, возвращаясь с работы, покупала цветы и, напевая, расставляла их в гостиной.

Каждый раз, когда она занималась цветами, Лу Инцзю, вернувшись из школы, садился рядом и изучал различные талисманы.

В отличие от него, у Чжуан Сюэ не было ни капли таланта к экзорцизму.

Хотя она и пыталась учиться ради сына, до сих пор талисманы казались ей бессмысленными каракулями, и она ничего в них не понимала.

Поэтому Чжуан Сюэ, радостно расставив цветы, время от времени отвлекала Лу Инцзю:

— Эй, как тебе, красиво?

Лу Инцзю отрывал взгляд от талисманов, внимательно осматривал цветы и травы и качал головой:

— По-моему, никакой разницы.

Чжуан Сюэ жаловалась:

— И как ты не унаследовал ни капли моего чувства прекрасного.

Через некоторое время она снова спрашивала:

— Тебе больше нравится гипсофила или мышиный горошек?

— Мышиный горошек, — отвечал Лу Инцзю, уверенно выводя линии на бумаге.

Через несколько секунд, отложив готовый талисман в сторону, он почувствовал, как что-то щекочет его шею сзади.

Он обернулся. Мать, держа в руках травинку мышиного горошка, щекотала его и, увидев, что он обернулся, согнулась от смеха.

Лу Инцзю беспомощно сказал:

— Ты уже столько раз меня так щекотала, что в этом смешного?

— А я хотела сказать, что ты говоришь, как старик, совсем без задора, — Чжуан Сюэ снова ткнула его травинкой. — В таком юном возрасте, где же твоя детская непосредственность и энергия? Я всё жду, когда ты будешь со слезами просить у меня денег на леденцы. Ну-ка, поплачь для мамы.

Лу Инцзю: «...»

Лу Инцзю: «...Я точно твой родной сын?..»

— Конечно, — ответила Чжуан Сюэ. — Никто другой не смог бы родить такого милого ребёнка. — Она принялась яростно трепать его по волосам. — Если бы ты был ещё немного своевольным и капризничал, было бы просто идеально.

Позже их финансовое положение улучшилось, и когда Лу Инцзю учился в старшей школе, они наконец купили подержанную квартиру.

Именно ту, где Лу Инцзю живёт сейчас.

Квартира была недорогой, но по сравнению с их прежней каморкой площадью не более пятидесяти квадратных метров, она была намного лучше.

Лу Инцзю уже мог зарабатывать очень много денег, мог купить дом больше и роскошнее, но больше всего он скучал именно по этому месту.

Ведь здесь когда-то стояли пышные букеты цветов.

«...»

Е Фэн пришёл в себя и увидел, что Лу Инцзю смотрит в окно.

Е Фэн проследил за его взглядом.

На улице продавали цветы. Нераспустившиеся розы, большие гвоздики, орхидеи и гипсофилы. На лепестках блестели капли воды, привлекая нескольких девушек, которые, щебеча,

спрашивали о ценах.

— Что, хочешь купить цветы? — спросил Е Фэн.

— Нет, просто вспомнил, что у нас дома раньше часто были цветы, — сказал Лу Инцзю.

— А, — кивнул Е Фэн и добавил, — твоя мама действительно красиво составляла букеты. Жаль, что я в искусстве ничего не понимаю. — Он улыбнулся. — Помню, она чаще всего говорила мне: «Тебе не кажется, что Инцзю совсем не похож на ребёнка?», а потом подбивала меня сводить тебя в интернет-кафе, говорила, что ты от учёбы скоро с ума сойдёшь.

Своеволие и капризы.

Лу Инцзю с детства был далёк от этих понятий.

Он всегда был чрезвычайно сдержан, и рациональное мышление у него всегда преобладало над эмоциональным. Поэтому желание Чжуан Сюэ так и не сбылось.

Е Фэн сказал это просто так, невзначай, но, к его удивлению, Лу Инцзю через несколько секунд ответил:

— Всё-таки был своевольным.

— А? — переспросил Е Фэн.

— Всего один раз, — Лу Инцзю, глядя на пышные букеты, подумал о Цзин Сяне. — Больше такого не будет.

В последних лучах заката «Хонда» тронулась с места.

Лу Инцзю высадил Е Фэна по дороге и поехал домой.

Поднимаясь на лифте, он уже был готов включить фонарик на телефоне.

Эта чёртова управляющая компания была такой неэффективной, что он был уверен — лампочку не заменили.

Но, к его удивлению, пройдя несколько шагов, он увидел впереди яркий свет. Лампочка у его двери горела.

Лу Инцзю подумал, что управляющая компания наконец-то взялась за работу, но вдруг остановился под фонарём.

Что-то не так.

Он прищурился и, подняв голову, стал разглядывать лампочку.

Стекло, вольфрамовая нить, цоколь... всё выглядело обычным. Лампочка излучала мягкий свет, приветствуя его возвращение домой.

Но он ощущал очень слабую, едва уловимую призрачную ауру.

Это...

Это была лампочка из загробного мира!

Мгновенно пришёл к выводу Лу Инцзю.

<http://bllate.org/book/16971/1587504>